

Лучшие романы об уголовном розыске

НИКОЛАЙ ЛЕОЖОВ

Алексей
МАКЕЕВ

Невеста
смерти

Алексей Викторович Макеев
Николай Иванович Леонов
Невеста смерти
Серия «Полковник Гуров»
Серия «Русский бестселлер»

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6735234
Николай Леонов, Алексей Макеев. Невеста смерти: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-04-094100-1

Аннотация

В Москве зверски убит стриптизер Анатолий Грищенко. В убийстве подозревается бизнесмен Илья Крайнов: он люто ненавидел Анатолия и не раз грозился расправиться с представителем экзотической профессии за то, что тот соблазнил его единственную и горячо любимую дочь. Деловой партнер Крайнова уверен, что Илья невиновен, и просит полковника Гурова заняться этим делом. Гуров начинает расследование, которое вскоре приводит его в провинциальный городок Ильичевск. Именно здесь, по мнению сыщика, следует искать истинную причину преступления...

Николай Леонов, Алексей Макеев Невеста смерти

Принято считать, что лучше плохо отдыхать, чем хорошо работать. Но у полковников-важняков Льва Ивановича Гурова и Станислава Васильевича Крячко было на этот счет другое мнение. Для них эти майские праздники прошли до того сумбурно, суматошно и нервозно, что, встретившись утром на работе, они обменялись понимающими взглядами и одновременно посмотрели на старшего лейтенанта Александра Вилкова, по совместительству троюродного племянника Гурова, который с недавних пор стал третьим членом их команды.

– Ну вот! Теперь и отдохнуть можно, – заметил Лев.

– Да, очень активная девочка, – вздохнув, поддержал его Стас.

– Но ведь она еще совсем ребенок, – попытался защитить свою сестру Саша.

А дело было в том, что, по традиции, Гуров, Крячко, а также их непосредственный начальник, но больше давний друг генерал-майор Петр Николаевич Орлов проводили с семьями майские праздники на даче у Стаса, хотя на самом деле это был довольно большой дом в подмосковной деревне. В

этом году к ним присоединился Саша, но не один, а с четырнадцатилетней сестрой Катей, приехавшей погостить к нему на праздники. Их отец, майор ВДВ, погиб в Чечне, когда она была еще совсем маленькая, мать умерла несколько лет назад от осложнения после гриппа, и девочка жила в Рязани с бабушкой и дедушкой. Катя знала отца больше по фотографиям, но вот излучаемое им ощущение спокойной силы и абсолютной уверенности в себе запомнила навсегда. Теперь же, оказавшись среди мужчин, так напоминавших ей отца, она прилипла к ним насмерть. Ладно бы к одному Гурову – родственник все-таки, но и Стас с Петром не остались без ее внимания. Сначала им это нравилось, но потом они стали откровенно ею тяготиться. А уж когда она увидела жену Льва, народную артистку России Марию Строеву, то, кажется, окончательно сошла с ума и тут же переключилась на нее, представляя себе, как потом в классе будет хвалиться, что знаменитая актриса – ее троюродная тетя. Она согласна была на все, лишь бы быть рядом с Марией: чистить картошку, мыть посуду, резать овощи и все остальное. Марии надолго не хватило, сославшись на несуществующую репетицию, она сбежала в Москву. Следом за ней дезертировали Петр с женой, и на растерзание малолетней прилипалы остались мужчины и жена Крячко, которая практически за шиворот удержала Катю, собравшуюся пойти с ними еще и на ночную рыбалку. Одним словом, когда Саша повез сестру обратно в Рязань, все вздохнули с огромным облегчением.

– Ну, что день грядущий нам готовит? – сказал Лев.

Он стал просматривать оперативные сводки за прошедшие дни, потому что, по той же традиции, сотовые телефоны они на даче отключали, а вот телевизор, наоборот, не включали – ну, чего хорошего там могут показать? Но досмотреть сводки так и не успел, зазвонил его сотовый – это оказался его друг Игорь Болотин, один из богатейших людей России.

– Лева! Ты телевизор смотрел? – поздоровавшись, спросил он.

– Нет, спасибо! Мне негатива и на работе хватает, – буркнул Гуров. – А что? Высадка инопланетян ожидается?

– Мне не до шуток, – мрачным тоном ответил Игорь. – Все праздники по всем каналам полощут моего делового партнера Илью Александровича Крайнова. Ты не мог бы с ним встретиться?

– Игорь, я частным сыском не балуюсь, – напомнил Лев.

– При чем тут это? Просто, если согласишься заняться его делом, тебе его передадут совершенно официально, потому что его сейчас ведет какой-то райотдел с неукомплектованным штатом, так что история затянется надолго, а разобраться надо оперативно.

– В чем обвиняют твоего партнера?

– В организации заказного убийства, совершенного с особой жестокостью, цинизмом... В общем, полный букет.

– Он задержан?

– Нет, под подпиской, а у него срывается заключение

очень важного контракта. Кроме того, если эта шумиха будет продолжаться и дальше, это здорово подорвет его деловую репутацию – на Западе очень косо смотрят на такие вещи.

– Ты давно его знаешь?

– Да уж лет пятнадцать, и могу тебя заверить, что он к этому делу непричастен, – твердо заявил Игорь. – Покойничек был той еще мразью, так что желающих спровадить его на тот свет должно быть немало.

– Что же тогда к Крайнову прицепились?

– А у него со СМИ любовь давняя и взаимная – он несколько раз выигрывал у них процессы по защите собственной чести и достоинства, – объяснил Болотин. – Вот они, едва появился повод, и вцепились в него мертвой хваткой.

– Ладно! Давай я с ним встречусь и поговорю, – согласился Гуров. – Но, если почувствую, что он крутит-вертит...

– Это не в его интересах, он, наоборот, готов оказывать следствию любую посильную помощь.

– Если ты о деньгах, то мы на зарплате. Пусть приходит ко мне...

– Лева, лучше на нейтральной территории, например, у меня в офисе, – перебив Гурова, предложил Игорь. – Когда ты сможешь подъехать?

– Да хоть сейчас, пока ничем не загрузили.

– Замечательно, мы будем тебя ждать.

В офисе Болотина Гурову приходилось бывать неоднократно, так что его без лишних разговоров сразу пропустили в кабинет шефа, где, кроме хозяина, находились еще два человека – сам Крайнов и его адвокат, мужчина средних лет и на вид довольно приличный, только кто их, адвокатов, разберет? Игорь представил мужчин друг другу, и Лев не без интереса посмотрел на Крайнова – иски о защите чести и достоинства против СМИ подавали многие, но вот редко кому удавалось их выигрывать. На вид Илье Александровичу было под шестьдесят, крупный, крепкий, уверенный в себе мужчина с жестким волевым лицом и довольно тяжелым взглядом.

– Давайте перейдем к делу, – с ходу предложил он.

Они вчетвером прошли в комнату для отдыха и расселись вокруг журнального столика, на который Илья Александрович тут же поставил диктофон и, включив его, объяснил:

– Когда-то давно меня подловил на слове человек, которому я абсолютно доверял, и это нечаянно вырвавшееся слово обошлось мне очень дорого. Я усвоил урок, так что теперь все без исключения разговоры фиксирую.

– Поэтому и суды против СМИ смогли выиграть, – понятно кивнул Лев.

– Да! Если я даю интервью, то оно моими людьми обязательно не только записывается, но и снимается. И, когда кое-кто, вырвав из контекста несколько слов, поставил их в заголовки статьи на первой странице одной газетенки, мне было

чем ответить.

– То-то они вас так нежно любят! – хмыкнул Гуров. – Но давайте действительно к делу.

– Я буду краток, а если появятся вопросы, спрашивайте, – сказал Крайнов и начал: – У меня было двое детей: сын и дочь. Сын, воспитанием которого я занимался лично, потому что прочил себе не только в наследники, но и в преемники, погиб вместе с семьей в Египте, когда автобус с российскими туристами перевернулся. На пирамиды им, видите ли, посмотреть захотелось! Осталась дочь. Ни по характеру, ни по воспитанию, ни по образованию она моей преемницей быть не может. Я стал искать толкового зятя, а уж условиями брачного контракта я бы обезопасил ее от всех возможных и невозможных случайностей. И нашел! У моего делового партнера два сына. Парни толковые, не бездельники, но дробить бизнес – ему резону нет. Старшего он решил оставить при себе, а вот младшего мы решили на моей дочери женить, чтобы было кому продолжить мое дело. Мы их познакомили, они понравились друг другу – один круг, одно воспитание, общие интересы. Все обговорили, и все было нормально, уже и помолвку отметили. И тут моя дурища прошлым летом...

– Влюбилась в другого, разорвала помолвку, и разлучником оказался именно наш покойник, – продолжил за него Лев и в ответ на удивленный взгляд Крайнова объяснил: – Я не смотрел телевизор, не читал газет, но догадаться несложно.

– Да, именно так. Причем проделала все это за моей спиной. И вы знаете, кем оказался этот другой? Стриптизером! Подруженьки затащили мою идиотку в стриптиз-клуб, где она с этим типом и познакомилась! И влюбилась, кретинка, насмерть! Начала с ним тайком встречаться, а тут жених должен был прилететь. Вот она и сообщила ему, что свадьбы не будет. Я, как обо всем узнал, охраннику и водителю дочери морды начистил собственноручно за то, что недоглядели и мне вовремя не сообщили. А потом свою службу безопасности напряг, и они об этом парне всю подноготную узнали.

– Документы принесли?

Адвокат тут же, достав из «дипломата» папку, протянул ее Гурову, и тот стал просматривать бумаги, а, закончив, покачал головой:

– Светлая личность! И что же вы предприняли?

– Сначала с дочерью поговорил, понадеялся, что переубедить ее смогу, да не получилось. Я ей, что он на сцене... трясет, а она мне – это искусство. Я ей, что он пожилых баб за деньги трахает, а она мне – это его работа. Я посоветовал ей на себя в зеркало посмотреть – она не красавица, в меня пошла – и понять, что этому мерзавцу нужна не она, а только мои деньги. А она мне на это – он ее любит. Понял я, что мои слова ей как об стенку горох, плюнул и сказал: пусть живет как хочет, но содержание урезал до минимума. Решил, что дуры должны на собственном горьком опыте учиться, если родителей слушать не хотят. Ничего, она еще молодая, пусть

обожжется как следует, авось поумнеет.

– И долго продолжалось ее безоблачное счастье?

– Два месяца, а потом он ее бросил. Видно, понял, что ему до моих денег не добраться. Моя дурища сначала в истерике билась, а потом наглоталась таблеток – жить она, видите ли, без него не может. Хорошо, что и мы с женой, и вся прислуга настороже были, так что трагедии не произошло. Отвалялась эта идиотка в больнице, а потом я отправил ее с матерью в Майами – у меня там дом. И что вы думаете? Она об этом мерзавце на следующий же день и думать забыла – там-то таких мачо хоть пруд пруди, есть с кем время провести. Был я у них на Новый год, врезал своей дурище пару раз по морде и спросил: «Кто оказался прав?» А она только носом хлопает: «Ты, папа». Мы уже к свадьбе начали готовиться, а тут эта история, будь она неладна!

– А свадьба с тем же человеком? – поинтересовался Гуров.

– Да, Лев Иванович! Это бизнес! – кратко ответил Крайнов. – Дело поручили какому-то сопляку, я попытался с ним нормально поговорить, а он начал такую ахинею нести, что уши вянут. Тогда я к начальнику райотдела пошел. И ведь русским языком объяснял, что мне смерть этого подонка ни с какой стороны не нужна, он мне вообще больше не интересен и тем более не опасен, что меня в то время и в Москве-то не было. А он мне в ответ – в протоколе допроса хозяйки дома, где произошло убийство, черным по белому написано:

она, со слов потерпевшего, знает, что я ему неоднократно угрожал, чего вообще не было и быть не могло! Потому что, во-первых, я с ним никогда даже не встречался, а, во-вторых, я, как уже говорил, очень аккуратен в словах.

– А не мог это быть кто-то из ваших подчиненных, который... – начал было Гуров, но Крайнов жестко перебил его:

– Лев Иванович! В моем хозяйстве подобная самодеятельность невозможна. Уж поверьте мне на слово. А тут еще журналюги шум подняли и начали меня, что ни день, склонять. Вот этот начальничек мне и заявил, что подписку о невыезде отменить не может, потому что преступление получило широкий общественный резонанс! Можно подумать, что это не стриптизера убили, а члена правительства!

– А что у вас есть по самому убийству?

– Все, что есть у них, то и у нас, – ответил адвокат и протянул Гурову еще одну папку.

– Откуда? – удивился Лев.

– За деньги и черти пляшут, – отмахнулся Крайнов. – А ксероксы для того и придуманы, чтобы копии снимать.

Лев прочитал документы, а, когда начал смотреть фотографии с места преступления, невольно прочистил горло и, судорожно сглотнув, заметил:

– Знаете, на моей памяти такого не было. Я даже определение точное подобрать не могу. Это не изверги, не садисты, не отморозки, а все вместе плюс еще буйное помешательство.

– И вот это пытаются повесить на меня, – хмыкнул Крайнов.

– Я займусь этим делом, Илья Александрович, – пообещал Гуров. – Но мне потребуется вся документация, какая у вас только есть.

Адвокат молча протянул ему «дипломат» и пояснил:

– Здесь абсолютно все, но, естественно, в копиях.

– Значит, я немедленно созвонюсь с кем надо, и дело тебе передадут еще до конца дня, – впервые подал голос Болотин.

– А я начну заниматься им, как только вернусь на работу, – пообещал Лев, убирая в «дипломат» те папки, что получил раньше, – пухленький портфельчик получился.

– Спасибо, Лев Иванович, – поднимаясь, произнес Крайнов и протянул ему руку. – Игорь мне сказал, что о деньгах даже заикаться не стоит, но если вам для расследования потребуется какая-то помощь: с кем-то поговорить, встретиться, слетать – то звоните мне немедленно. Вот это, – он достал свою визитку и написал на ней несколько цифр, – мой прямой номер. Самолет будет стоять в аэропорту, готовый к вылету в любую минуту, о машине или другой нужной технике я уже и не говорю.

Когда Гуров вернулся на работу, Крячко и Вилков должным образом оценили габариты «дипломата», и Стас спросил:

– Ну и что на этот раз подсунула нам судьба в лице твоего

дружбана Болотина?

Судя по тому, что Саша ничего не спросил, Крячко уже посвятил его в подробности взаимоотношений Льва и Игоря.

– Все расскажу, ничего не утаю, – пообещал Лев. – Дело нам передадут в течение дня, но кое-какая информация и документация уже имеются. Итак. Потерпевший – Грищенко Анатолий Борисович, 1990 года рождения, уроженец районного центра Ильичевск Пермской области. Образование среднее, в армии не служил. Единственный ребенок у родителей. Отец владеет в Ильичевске небольшой станцией техобслуживания автомобилей, мать – продавщица. Окончив школу, причем весьма средне, Анатолий уехал в Москву. Чем уж он тут собирался заниматься, не знаю, но в конце концов стал стриптизером.

Лев положил перед Стасом и Сашей несколько прижизненных фотографий потерпевшего. Взглянув на них, Крячко заметил:

– Ничего, морда смазливая. Да и мышцы себе накачал неплохо.

– Фу, мерзость какая! – не сдержался Вилков. – По мне, так лучше вагоны разгружать.

– Ну, – хмыкнул Гуров, – образно выражаясь, по ночам он этим и занимался, обслуживая клиенток стриптиз-клуба за очень отдельную плату. Их список прилагается.

– И что же с этой проституткой в брюках случилось? – поинтересовался Стас.

– Пришибли, да не просто пришибли, а впечатление такое, что над ним потрудились банда садистов с очень буйной фантазией, – сказал Лев, выкладывая на стол фотографии с места происшествия. – Сначала его жесточайшим образом избили – все внутренности отбиты, потом изуверски изнасиловали, затем кастрировали и наконец повесили. Так что официально – это смерть от удушения.

– Кому же он так здорово насолил? – задумчиво проговорил Крячко.

А вот Саша, быстро поднявшись из-за стола, с трудом выдал:

– Я на минутку, – и выскочил из кабинета.

Они посмотрели ему вслед, и Лев успокаивающе произнес:

– Ничего! Привыкнет со временем.

– А куда он денется? – поддержал его Крячко. – Иначе хоть профессию меняй! – И кивнув на фотографии, покачал головой: – Давненько у нас такого не было.

– Я вообще такого не помню, – добавил Лев.

Крячко встал, включил чайник и поставил на стол бокалы со словами:

– Сейчас Сашка чайку крепенького выпьет, и полегчает ему. Ты, Лева, фотографии со стола убери, а то ведь чай у него может и обратно пойти. Пожалей мальчонку.

Вернувшийся Вилков был страшно смущен и чувствовал себя очень неловко, но Лев со Стасом успокоили его – у них,

мол, по молодости тоже так бывало с непривычки, и Саша благодарно посмотрел на них.

– Ну, Лева, и где же потерпевшего так уделали? – спросил Крячко, разливая чай.

– Есть такое модельное агентство «Эмилия». Якобы модельное агентство, – поправился Гуров, – потому что, по моим ощущениям, это бордель. Вот его хозяйка, эта самая Эмилия, и пригласила к себе потерпевшего на ночь для любовных утех. И так он ее, видимо, утешил, да под шампанское, да под коньячок, что проснулась она только утром. И, не обнаружив возле себя наемную сексуальную силу, пошла ее искать. Ну и нашла! В гараже! В петле! А поскольку баба она жизнью крепко битая, в обморок хлопаться не стала, трогать что-нибудь – тоже, а сразу вызвала полицию. Сейчас она сотрудничает со следствием самым искренним образом, заявив под протокол, что, со слов Грищенко, Крайнов ему неоднократно угрожал, чего, по утверждению Крайнова, не было, так как они даже ни разу не встречались. Живет сия дама за городом, участок большой, в доме, кроме нее и потерпевшего, никого не было, так что те отморозки, что над Грищенко покуражились, ничем не рисковали. Там есть что взять, но ничего не украдено, так что пришли именно за Грищенко. И, судя по протоколу осмотра места происшествия, следов они не оставили.

– Да, что они там, в районе, найти могут, – отмахнулся Крячко. – Когда это произошло?

– 29 апреля.

– Блин! Опять по холодному следу работать! – поморщился Стас. – Там местные небось уже все, как слоны, вытоптали!

– Не бурчи! Не впервой! – отмахнулся от него Гуров.

– А с какого такого перепуга Болотин этим делом заинтересовался?

– Так Крайнов его деловой партнер, для него и старается. Грищенко пытался к тому в зятя просквозить, да попал под козырной отбой. Понял наш потерпевший, что улыбнулись ему крайновские денежки кислой улыбкой и ручкой на прощание помахали, девицу сам бросил, но всем рассказывал, что поступил так исключительно под страхом смерти – наверное, ущемленное самолюбие в нем фонтанировало. А у Крайнова со СМИ свои счета, вот они и стали на него всех собак вешать. А он тут совсем ни при чем – невооруженным глазом видно. Если бы он хотел этого подонка убрать, то, я уверен, никто и никогда даже следов его не нашел бы. А тут такая показуха! Прямо просится на первые полосы желтых газетенки!

– Ну если Грищенко себе причинным местом на жизнь зарабатывал, то желающих с ним счета свести немало, – предположил Стас и начал перечислять: – Конкуренты, оставленные любовники, обманутые мужья, дочери с сыночками, которым очень не нравится, что их мамаша на постороннего мужика деньги тратит, и так далее.

– Саша! Ты как? Уже отошел? – спросил Лев, и тот кивнул. – Ну тогда скажи, а что ты по этому поводу думаешь?

– Вы правильно отметили, Лев Иванович: это преступление слишком показушное, но вот для кого? – пожал плечами парень. – То, что пресса и телевидение мимо такого убийства не пройдут, – очевидно, они эту историю будут мусолить еще долго, в малейших деталях распишут. И, как мне кажется, кто-то именно так и планировал, чтобы на всю страну прогремело. Но вот для чего?

– Чтобы привлечь внимание к проблеме мужской проституции! – усмехнулся Стас. – Мало нам было женской, так теперь еще и такая появилась.

– Не язви, – поморщился Лев. – Саша дело говорит. Понимаете, слишком много всего. Могли сделать что-то одно: застрелить, зарезать, повесить, забить до смерти, но то, что они натворили, – уже перебор. Если это, предположим, банда буйных сумасшедших, наркоманов, отморожков, то они бы хоть какие-нибудь следы оставили, а эти чистенько сработали. Вывод: убийцы – люди абсолютно вменяемые, им стриптизера просто заказали! Остается выяснить, кто! Вычислим заказчика, а от него до исполнителей – только руку протянуть!

– Ну, по поводу дедукции и индукции ты у нас специалист, тебе и карты в руки, а мы с Сашей будем ногами работать, – сказал Стас.

– Для начала, пока дело нам официально не передали,

предлагаю всем поработать головой и изучить документы, – предложил Гуров. – А вот потом мы разделимся. Я поеду в район, на месте преступления побываю. Ты, Стас, будешь отрабатывать всех клиенток Грищенко по списку – вдруг там действительно есть за что зацепиться. Ну а ты, Саша, поедешь в стриптиз-клуб и поговоришь с коллегами потерпевшего, с администрацией. Выясни, как там относились к Грищенко, с кем он дружил, с кем конфликтовал. Может, обидел кого-то: например, какая-то дама возжаждала его, а он отказал, вот она и затаила злобу, а когда представилась такая возможность, отомстила, потому что оскорбленная женщина на много опаснее разъяренной тигрицы.

Они сидели и изучали документы, передавая их друг другу. Успели все просмотреть и даже сходить пообедать, а звонка все не было. Наконец Гуров не выдержал и позвонил Болотину:

– Игорь! Что за дела? Если ты что-то переиграл, то мог бы поставить меня в известность. А то мы здесь все уже на низком старте, а отмашки нет. Где дело?

– Лева! Я все устроил! – удивился Болотин. – С кем надо переговорил, и меня заверили, что оно поступит к вам буквально в течение часа.

– Тогда я понял, где оно застряло, – вздохнул Лев. – Ладно! Извини, что нарычал.

– Так ты Лев, тебе положено, – хмыкнул Игорь.

Отключив телефон, Гуров посмотрел на Крячко и Сашу

и выразительно произнес:

– Орлов решил власть употребить! Пошли дело отбирать!
А то сегодня никуда не попадем!

Он оказался прав – Петр Николаевич действительно сидел за столом и просматривал уголовное дело, заведенное по факту убийства Грищенко. Увидев столь внушительную делегацию, генерал нимало не удивился, а только ехидно поинтересовался:

– Лева! Если тебе удобнее действовать у меня за спиной, то занимай это кресло и отпусти мою грешную душу на пенсию.

– Не дожدهшься! – бросил в ответ Гуров.

– Ну если ты меня все-таки еще за начальника держишь, то хоть ставь в известность, что ты творишь. А если бы я это дело вдруг Богданову отдал?

Богданов был притчей во языцех всего управления. Абсолютно бездарный работник, он нимало не заблуждался на свой счет и, чтобы прикрыть задницу от вполне заслуженной порки, обкладывался бумагами, как смертник-террорист – взрывчаткой. На каждый чих у него было свое «будьте здоровы», на каждое замечание – отписка, причем все строго по закону, по правилам, по инструкциям, так что не придерешься.

– Ну на такое ты даже с учетом подпорченных в праздники нервов не способен, – заметил Лев и спросил, кивая на

папку: – Как тебе?

– Впечатляет, – кратко ответил Петр. – Что делать думаете?

Гуров вкратце рассказал ему об их планах. Орлов одобрительно кивнул и на прощание добавил:

– Действуйте-злодействуйте, а я пошукаю, не было ли чего-то подобного раньше. Пусть не в Москве, а по стране. Уж очень слаженно эта команда сработала, явно не впервой.

Выйдя от Орлова, они вернулись в кабинет, заперли документы в сейф и разъехались каждый по своим делам, договорившись встретиться на работе вечером, а в случае экстраординарных новостей созваниваться немедленно.

Остановив свою машину возле райотдела, Гуров вышел, посмотрел на здание и вздохнул: это чудовище, выстроенное в стиле эпохи развитого социализма, навевало грусть-тоску одним своим внешним видом. Следак, который вел дело, оказался действительно сопляком – что по виду, что по сути. Лев предъявил ему свое удостоверение и потребовал:

– Ну, парень, излагай, что ты успел по делу Грищенко накопать!

– Так дело-то у нас забрали, – удивился тот.

– Ага! Вот, как только ты папку из рук выпустил, так тут же все и забыл, – усмехнулся Гуров. – Начинай!

– Ну, вызов был в начале десятого от гражданки Морозовой, которая нашла в гараже повешенным своего любов-

ника Грищенко. Ее дом находится в коттеджном поселке «Дубки», это недалеко отсюда. На место выезжали я, опер и судмедэксперт. Приехали, хозяйка уже изрядно приняла для успокоения нервов, но на ногах еще держалась и провела нас в гараж. Мы все сфоткали, Грищенко сняли, оттащили в машину, и судмедэксперт с ним уехал. Только мы дополнительно людей вызвали, вот они на этой же машине обратно и прикатали. Начали производить осмотр. Улики изъяли, орудия преступления – тоже, отпечатки собрали. Ночью дождь шел, так что на полу в гараже и на дорожке возле ворот было много следов от резиновых сапог.

– Сколько человек было?

– А кто же знает, если все сапоги 44-го размера? – удивился следователь.

– В доме следы от грязной обуви были?

– Нет! – помотал тот головой. – Наверное, или в носках шли, или бахилы надели.

– Анализ крови у Морозовой брали?

– Зачем? – уставился на Льва непонимающим взглядом следак.

– А на всякий случай, потому что ее могли элементарно усыпить, чтобы не помешала, – объяснил Гуров. – Но теперь уже брать поздно. Что еще?

– Мы Морозовой пальчики откатали, чтобы с другими не путать. У Грищенко тоже отпечатки пальцев взяли. Те, что в гараже, чужими оказались, ни по каким базам не проходят.

Следы сапог обрываются возле газона – весь участок такой специальной травой засеян, что на ней ничего не разобрать, потому что тут же распрямляется. Место, где преступники оставляли машину, мы не нашли. Да и толку? Эксперт сказал, что Грищенко умер где-то часа в четыре утра, а вызов был в начале десятого, у преступников было пять часов форы, они за это время могли в любую сторону скрыться. И потом, кто же на своей машине на такое дело поедет? Так что сторела она где-нибудь в овраге вместе с другими уликами.

– Что Морозова говорила? – поинтересовался Лев.

– А что она могла сказать? Пьяными слезами заливалась и Крайнова проклинала, твердила, что это по его приказу Толика убили. Потом уже, на следующий день, побеседовал я с ней и узнал, что Грищенко этот всю их бабскую компанию окучивал, у каждой свой день был, ну, и на стороне тоже подрабатывал – мужик-то здоровый. Все причитала, как же они теперь без него.

– Ничего! Нового найдут! – брезгливо поморщился Гуров. – А теперь проводи меня в морг – мне с вашим судмедэкспертом поговорить надо.

Районный морг ничем не отличался от всех виденных Гуровым ранее: то же обшарпанное здание, та же облупившаяся краска на стенах, тот же тусклый свет слабосильных лампочек в коридорах, а еще запах смерти, который при всем желании ничем нельзя перебить. Едва заглянув туда, Лев передумал заходить внутрь и попросил санитаря вызвать суд-

медэксперта на улицу, чтобы поговорить с ним на свежем воздухе.

Тот оказался довольно молодым мужчиной, и, встав так, чтобы ветерком относило въевшуюся в одежду эксперта смесь запахов трупов и формалина, Лев спросил:

– Что о Грищенко сказать можете? То, что в заключении, я прочел, меня интересует ваше мнение.

– А что о нем говорить? – удивился тот и закурил. – Мешок с костями. Судя по гематоме на голове, его сначала оглушили, а уж потом взялись всерьез. Били, как я думаю, бейсбольными битами, но вот лицо осталось целым.

– Это, наверное, чтобы «опознатушки» не затруднять, – предположил Лев.

– Вам виднее, – пожал плечами эксперт. – Судя по ниткам в ротовой полости, ему, чтобы не орал, кляп засунули. Насиловали черенком лопаты, причем так, что у него не только прямая кишка, но и все остальное в хлам – если бы его не повесили, то вряд ли выжил бы. Половые органы отделены той же лопатой, просто поднажали хорошенько, и все. Кровью истечь ему не дали, а повесили. Причем хочу отметить, что, судя по обилию воды на полу в гараже и его мокрым волосам, которые при довольно низкой температуре не успели высохнуть, его несколько раз обливали водой, чтобы привести в чувство, так что не исключаю, что в момент повешения он был в сознании.

– В общем, прошел все круги ада, – покивал Лев. – Только

огня не хватает.

– Знаете, мне при моей работе удивляться как-то не положено, но этот случай... Грищенко, видимо, уж очень сильно кого-то обозлил, раз с ним так обошлись. Мне о таких расправах только в специальной литературе доводилось читать, когда в лихие девяностые братки полный беспредел творили.

– Намекаете, что умельцы оттуда? – спросил Лев.

– А черт его знает? Но рука у них набита.

– Кто Грищенко опознавал?

– Да бабы тут понаехали. Так орали и вопили, что я думал, от их криков покойники из холодильника сами повыскакивают! – ответил эксперт и, выбросив окурок, пошел обратно.

– Родители приезжали? – крикнул ему вслед Гуров.

– Я его отцу позвонил, объяснил как можно деликатнее, что с его сыном произошло, и попросил приехать. Он обещал, но потом мне позвонила мать Грищенко и сказала, что у его отца случился тяжелейший инфаркт, да и она сама еле живая.

– Ладно, я сам с ними поговорю, – пообещал Лев. – Как знать, может, начало этой истории нужно в Ильичевске искать? Мало ли кого он мог там обидеть? – И предложил: – Поехали на место преступления, покажешь, что и где вы нашли. Дома-то у Морозовой есть кто-нибудь?

– Домработница, – ответил тот.

Коттеджный поселок «Дубки» ничем не отличался от

множества ему подобных, которых сейчас вокруг Москвы развелось видимо-невидимо. Особым достатком там, очевидно, никто похвалиться не мог, так, очень средний класс. Шлагбаум на въезде был, и даже списанный газетный киоск наличествовал, где коротал время дежурный охранник, но вот никакого забора вокруг поселка не было – заходи кто хочешь!

– Не очень-то они о своей безопасности заботятся, – заметил Лев.

– Так дорога эта в поселок только одна, с другой стороны речка, вот и получается, что вывезти что-то крупное отсюда никто потихоньку не сможет. Садов никто не разводит, значит, мальчишкам из соседних деревень тут делать нечего. Дома оборудованы охранной сигнализацией.

Увидев незнакомую машину, охранник вышел из будки, но, заметив следака, не стал задавать никаких вопросов и молча поднял шлагбаум.

Дом Морозовой был типовой, такой же, какими был застроен весь поселок, и стоял на берегу речки, что, наверное, считалось престижным. Домработница, украинка-нелегалка, даже пикнуть не посмела и безропотно пропустила их в дом. Парень показал Гурову, что и где было – гараж уже отмыли до блеска, и в нем ничего не напоминало о разыгравшейся несколько дней назад трагедии, так что ничего особо полезного Гуров узнать не смог. Потом они прошлись по участку, вдоль берега реки, и Лев понял, что если машина и

была, то на другом берегу. Преступники приплыли на лодке, причалили к этому берегу, а, совершив то, зачем пришли, тем же путем вернулись обратно. В общем, ничего нужного для дела он в райотделе не выяснил, оставалось надеяться на то, что у Крячко и Вилкова день выдался более урожайным.

Когда они вечером собрались в кабинете, Гуров рассказал им о том, что сумел узнать.

– Профессионалы, однако! – заметил Стас.

– Да, как выразился судмедэксперт, рука у них набита, – подтвердил Гуров. – Ну а ты чем похвалишься?

– Поговорил я с этими бабами, назвать их женщинами – язык не поворачивается. Они скорее даже не бабы, а самки! Семь штук! Все одинокие, ни детей, ни плетей, но все состоятельные – у каждой какой-то свой бизнес. И завели они себе одного на всех любовника – у Грищенко на каждую был свой день недели. Эдакая общая игрушка! И никакой ревности! Они даже обсуждали между собой, как и с кем он обходится, полезной информацией делились, советы друг другу давали. Черт! – Не выдержав, Стас вскочил со стула и стал расхаживать по кабинету. – Лева! Это уже ни в какие ворота не лезет! Если сейчас так, то что дальше будет? Содом и Гоморра?

– А ты еще не понял, что мы в каком-то из этих городов уже давно живем? – невесело усмехнулся Лев. – Выгляни за окно! Посмотри! Газеты наши почитай, в том числе и объявления, в Интернете покопайся, по телевизору что-нибудь,

кроме новостей, погляди! Ну а кроме этих семи женщин, кто еще был?

– Да все, кто движется и платит! – буркнул Крячко. – Без денег жить, конечно, нельзя – в победу светлого коммунизма давно никто не верит, но чтобы быть таким... Даже слова не поберу! Проститутка для него слишком мягко прозвучит. Грищенко готов был с кем угодно, где угодно и как угодно, лишь бы «бабульки» шуршали! Какая, к черту, оскорбленная отказом женщина? Он был как раз безотказный! При чем те семеро смотрели на это, и ни мур-мур! Главное, чтобы его похождения на стороне не задевали их постельно-интимно-сексуальные интересы!

– Хочешь сказать, что искать заказчика среди них – только зря время терять? – уточнил Лев.

– Да они, все семеро, по нему траур надели! Но при этом уже обсуждают следующую кандидатуру! И каждая предлагает своего! Как уж они этот вопрос решат, не знаю! Может, методом голосования, а, может, претенденты на освободившееся место тестирование и собеседование проходить будут! – зло говорил Стас. – А самое противное, я уверен, что они действительно найдут себе новую игрушку! Господи-и-и! – простонал он. – Куда мы катимся?

– Успокойся! – сказал Лев. – Валерьянки, что ли, выпей! А то бурлишь, как закипевший чайник! Скажи лучше, как они отреагировали на то, что он с дочерью Крайнова связался?

– Бизнес! Ничего личного! – ответил Крячко. – Он их за-

верил, что для них ничего не изменится, вот они и не волновались. Он же для них не человек был, а постельная принадлежность! Подушка, одеяло, матрац! Простыня, в конце концов!

– Стас! Охлонись! А то ты так себя до инфаркта доведешь! Чай лучше поставь! – попросил Гуров и, пока Крячко занимался чаем, обратился к Вилкову: – Саша, что у тебя?

– Я был в этом клубе. У них как раз репетиция шла, так что удалось поговорить и с каждым из стриптизеров по отдельности, и с администрацией. Там программа такая: общий выход, потом сольные номера, а в заключение – еще один общий выход. На фоне всех остальных Грищенко был несколько грузноват, вот ему и создали такой типаж – мужик! Не утонченный, холеный, лощеный мужчинка, а именно грубый мужик! И выступал он под псевдонимом Амбал. Как утверждает художественный руководитель клуба, многие женщины западают именно на таких. У Грищенко был свой сольный номер, и конкурентов у него нет, потому что повторить его некому – там действительно нужна, кроме всего прочего, большая физическая сила. Таким образом, в клубе никто не был заинтересован в убийстве Грищенко. Наоборот, там сейчас ломают голову, где найти ему замену. По межличностным отношениям: ни врагов, ни друзей. Со всеми ровный и спокойный, благотворительностью не занимался, но и подлостей не делал, в долг не давал, но и сам не просил. Жил своей жизнью.

– А что говорят по поводу его романа с дочерью Крайнова?

– Управляющий, когда обо всем узнал, сразу сказал, что лучше ему эту затею бросить. Ну его можно понять – он не хотел неприятностей для клуба. Из коллег Грищенко все тоже были уверены, что ничего из этого не выйдет, потому что некоторые из них на подобных историях уже пообжигались, – ровным голосом докладывал Саша. – Ребята там здравомыслящие, непьющие, некурящие, некоторые заочно учатся и деньги копят, чтобы потом какое-нибудь свое дело начать – молодость-то не навсегда. Также женщинами не брезгают, но относятся к этому как к работе. Короче, на общем фоне Грищенко ничем не выделялся.

– У тебя все?

– Да, только у меня такое чувство, что побывал я в выгребной яме, куда меня с головой окунули так, что еще и ее содержимого нахлебался, – сдавленным от гнева голосом проговорил Вилков.

– Саша, я направил тебя туда потому, что ты ближе к ним по возрасту и тебе легче с ними разговаривать, – объяснил Гуров. – Стаса же я попросил поговорить с этими женщинами потому, что они заиклены на молодых мужчинах, а значит, не будут рассматривать его в качестве очередной постельной игрушки.

– Все нормально, Лев Иванович, – с трудом сглотнул парень. – Я же понимаю, что это моя служба. Только сам себе

удивляюсь, как кое-кому там не накостылял по шее, когда мне предложили пойти к ним работать. Типа я им по внешним данным подхожу.

– Не обращай внимания, – успокоил его Гуров. – Еще слушаешься за свою жизнь и не такого. – И перешел к делу: – Так, что же получается? На первый взгляд в Москве мы не нашли заказчика убийства. Но это только на первый взгляд. Значит, нужно копать дальше, чем мы завтра и займемся. А сейчас предлагаю вам такую мысль: а не из Ильичевска ли след тянется? Не там ли заказчика нужно искать? А может, и исполнителей?

– А что? – начал рассуждать Саша, который уже давно не смущался высказывать свое мнение. – Вполне может быть. Предположим, Грищенко там изнасиловал какую-то девчонку, но отвертелся, откупился от наказания, и за него сел другой. Этот другой вышел, собрал своих дружков и, узнав, где теперь живет его враг, приехал сюда мстить. Тогда это объясняет и изнасилование Грищенко, и то, что его кастрировали.

– А не слишком ли быстро он вышел? – с сомнением спросил Стас.

– Может, он по малолетке сел, а вышел по УДО? – предположил Лев.

– И как же он, поднадзорный, в Москву-то сорвался? – возразил на это Крячко.

– Как бы там ни было, но с Ильичевском связаться надо, – решительно произнес Гуров. – У отца Грищенко тяжелей-

ший инфаркт, но мать-то может нам сказать, нет ли у ее сына в родном городе врагов.

– Так она тебе и скажет! – хмыкнул Стас.

– А чего ей теперь-то скрывать? Сына больше нет, муж в больнице. Вот и получается, что мы – ее единственная надежда наказать убийц.

Достав данные на родителей Грищенко, Гуров набрал номер сотового телефона матери – она же наверняка рядом с мужем в больнице. Но ему после довольно долгого ожидания ответил мужской голос.

– Пригласите, пожалуйста, Алевтину Федоровну, – попросил Лев.

– С кем я говорю? – требовательным тоном спросил в ответ мужчина.

– Полковник Гуров. Москва. Главк. Вас такой ответ устраивает? – довольно резко проговорил Лев. – А теперь передайте телефон Алевтине Федоровне.

– Лев Иванович? – удивленно воскликнул мужчина уже совершенно другим тоном.

– Мы знакомы? – удивился Гуров.

– Нет, вы у нас на курсах лекции читали, – объяснил мужчина и наконец представился: – Майор Чумаков, начальник Ильичевского райотдела полиции.

– У вас там что-то случилось?

– Алевтина в реанимации, а Борька... – Чумаков вздохнул. – В общем, ему уже не выкарабкаться. Был инфаркт, а

теперь еще геморрагический инсульт, надежд никаких.

– И все это без постороннего вмешательства? – насторожился Лев.

– Если бы! – воскликнул майор. – Борька у себя утром на тумбочке конверт обнаружил, а там фотографии...

– Случайно не того, как убивали его сына?

– В том числе и они, – подтвердил майор. – И еще одна с непонятной надписью.

– Так, майор. Где у вас ближайший аэропорт?

– В Перми, где ж еще? А потом еще до нас на поезде пить, – усмехнулся он и тут же спохватился: – Подождите! Можно ведь попробовать с военными летунами договориться, чтобы у них приземлиться. А от них до нас всего двести километров.

«Ну да! Для них там двести километров – это «всего», – мысленно усмехнулся Гуров и сказал:

– Вот и попробуй договориться, а потом позвони мне. Номер-то высветился?

– Вижу, сейчас запишу.

– Ну а я тебе в случае чего на этот же телефон звонить буду.

Гуров отключил сотовый и, посмотрев на жадно прислушивавшихся к разговору Стаса и Сашу, объяснил:

– Вот вам и вся разгадка! Анатолия, судя по всему, убили не за собственные шалости, а за грехи отца! Что уж тот совершил, не знаю, но вот так ему отомстили, зверски рас-

правившись с его единственным ребенком. Сейчас Чумаков решит вопрос с аэропортом, и я вылечу в Ильичевск. Вы оба остаетесь здесь. Поскольку дело теперь у нас в производстве, снимайте с Крайнова подписку о невыезде – нечего ему бизнес рушить, тем более что он здесь явно ни при чем. Орлов обещал посмотреть, не было ли аналогичных преступлений по стране, вот и поторопите его, да и сами подключайтесь. Как только будет что-то новое, я вам позвоню. А уж в том, что скучать нам не придется, я на тысячу процентов уверен. Где-то очень далеко начало этой истории запрятано, и, чтобы до истины докопаться, нам придется немало потрудиться, потому что сам папаша нам в этом деле не помощник – не жилец он на этом свете. – Гуров поднялся: – Поеду домой, сумку соберу, и в путь, а Орлову вы уж сами все объясните.

Лев уже ехал домой, когда ему позвонил Чумаков.

– Договорился! – усталым тоном сообщил он. – Уж я с ними и матерно лаялся, и чего только не обещал, но договорился!

– Хорошо! Я тебе попозже позвоню и скажу, когда приблизительно буду у вас, чтобы ты меня возле их базы встретил, – сказал Лев и тут же перезвонил Крайнову: – Илья Александрович! Я совершенно точно выяснил, что вы здесь ни при чем, так что подписку о невыезде с вас завтра снимут. Но для того чтобы окончательно вас реабилитировать, мне все равно нужно истинных преступников найти.

– Спасибо большое, Лев Иванович! Я был уверен, что вы

во всем разберетесь! – с огромным облегчением выдохнул тот.

– Не за что! Но тут возникает один щекотливый момент. Вы говорили, что ваш самолет в полной боевой готовности... – начал Лев.

– Так и есть! И в полном вашем распоряжении, – перебив его, заверил Крайнов.

– А вы сами как же? Как я понял, вам для заключения контракта тоже куда-то вылетать надо?

– Этот контракт очень важен не только для меня, но и для второй стороны, вот они сами сюда и приедут, – сообщил Илья Александрович. – Так что пользуйтесь самолетом столько, сколько вам надо. Так, куда вы собираетесь вылететь?

– Относительно недалеко от Ильичевска находится военный аэродром, вот туда мне и надо. Только самолету меня подождать придется, пока я там с делами разберусь.

– Будет ждать столько, сколько надо! – твердо заверил его Крайнов. – Вы вышли на след?

– Это даже не след, это намек на него, но хоть есть уже, за что зацепиться, – ответил Лев.

– Да! Не зря о вас говорят, что вы лучший из лучших! – восхищенно сказал Крайнов. – Еще и дня не прошло, а у вас уже вон какие успехи. Лев Иванович! Вы только поймите меня правильно. У экипажа с собой есть энная сумма на бензин и все прочее. Если вам для чего-то потребуются деньги,

то берите без колебаний, все необходимые распоряжения я им дам. Как знать, вдруг вам из Ильичевска еще куда-нибудь вылететь надо будет?

– Если нужда возникнет, то возьму, но с отдачей, – ответил Гуров.

– Я уважаю ваши принципы, так что промолчу. И вот еще что, вы свою машину возле дома оставьте, а я за вами свою пришлю. Водитель и дорогу лучше знает, да и в аэропорту не новичок, долго объясняться ему не придется, – предложил Крайнов.

Против этого глупо было возражать, и Лев согласился. Все завертелось как хорошо отлаженный механизм: машина, дорога, аэропорт, куда они въехали как к себе домой, стоящий «под парами» самолет, разбег, взлет, и вот уже он сидел в мягком удобном кресле и смотрел в иллюминатор на проплывающие мимо облака. Узнав, что на место они прибудут через два часа, Лев позвонил Чумакову, и тот пообещал, что будет ждать его у ворот части. Пилоты Крайнова сами оказались в прошлом военными летчиками, так что порядки в части они знали, и совсем уж неуютно им там не будет.

На военном аэродроме никаких сложностей не возникло, Чумаков уже ждал Гурова чуть ли не с распростертыми объятиями – еще бы! Такой человек в их райцентр приехал! По дороге в Ильичевск Лев попросил рассказать ему в подробностях, что случилось.

– Лев Иванович! Город у нас небольшой, если не сказать

маленький, так что все друг друга знают и друг о друге тоже. Я Борьку с Алькой, Алевтиной то есть, с детства знаю, в одной школе учились. Вся их жизнь у меня на глазах прошла. Борька после школы на заводе работал, потом в армию пошел. Алька его ждала, и когда он вернулся, они сразу поженились. Толька у них один получился, потому что резус-факторы разные. Жили они, как все, не хуже и не лучше других. Как Борька свою СТО организовал, так приподнялись немного, но все равно не шикают. Толька в школе средне учился, и все думали, что Борька его к своему делу приставит, а он сына в Москву отправил учиться. И ведь понятно было, что не получится из этого ничего, но Борька сказал, что пусть, мол, хоть он настоящую жизнь увидит, а то они сами дальше Перми никуда и не выбирались. Чем уж там Толька в столице занимался, не знаю, но деньги с родителей не тянул.

– Стриптизером работал, – пояснил Гуров.

– Не понял, – растерянно протянул майор.

– Чего ж тут непонятного? – усмехнулся Лев. – Есть женский стриптиз, а есть мужской. А еще по интимной части услуги оказывал.

– Это что-то вроде проститутки? – обалдело спросил Чумаков.

– Почему же вроде? Проститутка и есть! Только в брюках, – подтвердил Гуров.

Майор помолчал, переваривая услышанное, а потом рас-

терянно сказал:

– Хорошо, что Борька этого уже никогда не узнает, но вот Альке-то каково будет? Лев Иванович, а можно об этом никому не говорить?

– Если этого не потребуют интересы следствия, то можно, – согласился Гуров, а сам подумал, что водитель их «уазика» уже все слышал, и теперь, скрывай не скрывай, а слухи все равно пойдут. – Так что там дальше?

– Ну как из Москвы позвонили и сказали, что Тольку убили, так Борька успел только трубку положить и тут же за сердце схватился – инфаркт, какой-то передней и задней стенки и сквозной, что ли. В общем, тяжелый. Алька надвое разрывалась: и в Москву надо поехать, и Борьку не на кого оставить, сутками возле него сидела – он же у нее единственный родной человек остался, потому что родителей своих она давно схоронила, а сестра с семьей на Дальнем Востоке живет, муж у нее моряк. Вроде полегче Борьке стало, вот она и пошла домой ночевать – не двужильная же. А сегодня утром он на тумбочке возле кровати конверт нашел. Я уж всю больницу перетряс, но так и не смог узнать, откуда он взялся. Да что вы хотите? Это же проходной двор, а не больница! С города везут, с района везут, специалистов не хватает, вот родственники сами за больными и ухаживают. Там и не разберешь, кто персонал, кто больной, кто родственник. В общем, открыл он конверт – это я от соседей по палате узнал, – достал оттуда фотографии, начал смотреть, а потом

заорал дурным голосом «Не-е-ет!», фотографии выронил, они по всему полу разлетелись, и все! Врачи прибежали, посмотрели и только руками развели!

– Ты эти фотографии видел? – спросил Лев.

– Потом увидел, – вздохнул майор. – А тогда их санитарка собрала, обратно в конверт положила и, дура, не нашла ничего лучшего, как Альке их отдать, когда та прибежала. Та только глянула и тут же в обморок! Ее – на каталку и в реанимацию. Но говорят, что надежда есть. Оклемается она. Тут-то до этих кретинов и дошло, что в полицию позвонить надо. Я приехал, мне эти фотографии и отдали. Смотреть будете?

– А как же! – взял протянутый конверт Лев.

Как ни был Гуров закален жизнью и службой, то, что он увидел, его не только покорило, а даже подташнивать начало. Ни лиц, ни фигур преступников ни на одном снимке не было, а вот искаженное нечеловеческими страданиями лицо Анатолия было отчетливо видно. Да, смерть явилась для него избавлением от мук! Но кроме этих фотографий, была еще одна – молодой парень с хорошим, добрым, открытым лицом, который весело смеялся, глядя на снимавшего. Фотография отпечатана недавно, но, судя по рубашке и стрижке парня, сделана давно – теперь такое уже не то что не носят, а даже и не шьют, да и не стрижется так больше никто. Гуров повернул фотографию обратной стороной, увидел написанные от руки слова: «Мне отмщение и аз воздам» – и

задумчиво уставился в окно: вот все и встало на свои места, но кто этот парень?

– Майор! Кто это? – показал он на фотографию Чумакову.

– В том-то и дело, что не знаю, – развел тот руками. – Я в городе всех знаю, но на всякий случай показал этот снимок друзьям Борьки, и все в один голос заявили, что никогда его не видели. Не наш он.

– Ты говорил, что Борис никуда дальше Перми не выезжал, – начал Лев, и майор подтвердил:

– Да! Только в армию.

– Кстати, а где он служил? – поинтересовался Гуров.

– Не знаю, не любил он о ней вспоминать, видно, несладко ему там пришлось.

– Потому и сына от армии откупил?

Майор, вздохнув, отвел взгляд и пробормотал что-то вроде того, что все хотят жить хорошо, и военком – не исключение, а потом уже смелее добавил:

– Борька сказал, что хоть до нитки распродается, но Только в армию не пойдет.

– У тебя с военкомом какие отношения?

– В одном городе живем, – удивленно ответил Чумаков.

– Значит, хорошие, – понял Лев. – Тогда завтра же найди мне личное дело Бориса Грищенко. Если он тебе ровесник, то в архив его еще не должны были сдать, и оно здесь.

– Прямо сейчас и позвоню, – охотно согласился майор и быстро договорился с военкомом.

– С Алевтиной Федоровной, я так понимаю, сегодня поговорить не получится?

– Лев Иванович! Мало того что она в реанимации, так ведь еще и время позднее. Давайте уж завтра днем. Попробую я с врачами договориться. Только вы уж с ней поаккуратнее – ей и так досталось! Сына убили! Чем бы он там ни занимался, но ведь ей-то он родной! Кровиночка! Да и мужа, считай, что уже нет! Одна, как перст, осталась.

– А со стороны мужа родня есть? – поинтересовался Лев.

– Тоже никого. Брат у Борьки младший был, так его давно уже зарезали. Он девушку свою проводил и домой возвращался. Время было уже позднее, так что никто ничего не видел. Когда время уже далеко за полночь было, родители волноваться начали, пошли его искать. Ну и нашли, – вздохнул Чумаков. – Остывал уже. Кому он мог помешать, ума не приложу! Убийцу тогда так и не нашли. А вскорости и родители погибли. Машина у них была не бог весть какая – «копейка», вот на ней они и разбились насмерть.

– Несчастный случай или подстроено было? – спросил Гуров.

– Да кто разбирался-то? – отмахнулся майор. – Как у Борькиного отца в крови алкоголь нашли, так дело и закрыли.

– Понятно. – Гуров действительно стал уже многое понимать. – А насчет Алевтины Федоровны не волнуйся. Мне и нужно-то выяснить у нее только то, что муж ей про армию

рассказывал. Раз он с друзьями подробностями своей солдатской жизни не делился, значит, не все там было гладко. Но, может, он ей что-то говорил? Фотографию паренька этого ей показать надо – вдруг знает? Опять же, дембельский альбом Бориса посмотреть нелишним будет, узнать, с кем он там дружил. Так что работа нам с тобой на завтра найдется. А сейчас скажи, чтобы меня в гостиницу отвезли – надеюсь, места там есть?

– Лев Иванович! Побойтесь бога! Да куда же вы в этот клоповник? – воскликнул Чумаков. – Давайте ко мне! У меня сын в Перми учится, комната его свободна, вам никто не помешает. Жена сегодня вовсю жарит, парит для дорогого гостя. А захотите, так и баньку сочиним!

– В гостинице, что, действительно клопы? – недоверчиво спросил Лев.

– К сожалению, да, – покивал майор. – Дом старый, деревянный, черт его знает, какого года постройки. Разве ж их из такого выведешь? Потравят, а они опять появляются.

– Ну тогда давай к тебе, – согласился Лев. – А то, если я домой клопов привезу, жена меня собственными руками убьет!

Обрадованный майор тут же позвонил домой и сказал только одно слово:

– Едем! – и, отключив телефон, пообещал: – Скатерть-самобранка будет накрыта!

– Только предупреди хозяйку, что мне многого нельзя –

поджелудочная больная, – объяснил Лев. – Так что пусть не обижается.

– Да откуда же при нашей клятой работе здоровью взяться? – сочувственно покивал ему Чумаков.

А стол действительно ломился! Но не было на нем всяческих заморских деликатесов, а стояла самая простая, но настоящая, чистая русская еда, приготовленная с душой и любовью. А уж запахи витали такие, что ими одними можно было наесться! Разговор за столом велся обо всем понемногу, большей частью о службе – да и о чем еще говорить двум ментам? Хозяйка мудро помалкивала, а только подкладывала да подкладывала Гурову на тарелку и искренне расстраивалась, когда он говорил, что больше просто не влезет. Он вроде бы и попробовал всего понемногу, но отвалился от стола в полном изнеможении, а ведь впереди были еще и пироги!

На следующий день в кабинете Чумакова Гуров просмотрел личное дело рядового Грищенко и даже не очень удивился, потому что ожидал чего-то подобного.

– А скажи-ка мне, майор, в каком случае рядового срочной службы, который прослужил в части уже больше года, могут вдруг перевести для дальнейшего прохождения службы в другую часть, причем черт-те куда?

– Ну если часть расформировали, – предположил Чумаков.

– В конце восьмидесятых этим еще не баловались, – возразил Лев. – Другие соображения есть?

– Может, по состоянию здоровья, – пожал плечами майор.

– Из Кировской области в Забайкалье? – усмехнулся Гуров.

– Да, действительно, не то я что-то сказал, – согласился тот. – Ну тогда...

– Когда нужно не допустить скандала. Причем не абы какого, а серьезного, – уверенно проговорил Лев. – Что-то Грищенко там натворил, и связано это, если я правильно понял, с тем парнем, фотографию которого ему прислали. Но с ним самим нам теперь не поговорить, а вот с женой – надо попробовать. Узнай, как она там!

Чумаков позвонил, договорился с врачами и доложил:

– Борис ночью умер, а Альке вроде немного лучше стало, и если недолго, то побеседовать с ней можно.

– Поехали, – сказал Лев. – Тем более что нам надо у нее узнать, где ее муж держал армейские фотографии и, может быть, письма от сослуживцев, и все их просмотреть.

В больнице врачи предупредили Гурова и Чумакова, что Алевтина Федоровна еще не знает о смерти мужа, вот и им лучше помолчать на эту тему, а потом надели на них специальные халаты, шапочки, бахилы, и они прошли в реанимационный блок. Женщина выглядела ужасно. Да стоило ли этому удивляться после таких потрясений? Гуров представился и сказал:

– Алевтина Федоровна! Врачи нам дали совсем немного времени, поэтому я буду задавать вам конкретные вопросы, а вы, пожалуйста, отвечайте только по существу. – Она в ответ слабо кивнула, и он начал: – Мне сказали, что вы ждали мужа из армии, значит, и переписывались. Он как-то объяснил вам, почему его перевели дослуживать в другую часть?

Она отрицательно покачала головой и прошептала:

– Написал, что так надо было.

– Хорошо, – кивнул Лев. – Другой вопрос: он с кем-нибудь из армейских друзей отношения поддерживает? Переписывается? Созванивается?

– Нет... Только раз... Письмо пришло, – она говорила с трудом, с перерывами. – Толик тогда... Еще в школе... Учился... Что там было... Не знаю... Борис его... В печку бросил... Мне ничего... Не сказал.

– Скажите, а не после этого письма он решил отправить Анатолия в Москву?

Алевтина Федоровна некоторое время полежала с закрытыми глазами – видно, вспоминала, а потом ответила:

– Да... Я против... Была... Борис... Настоял... Сказал... Москва – город большой... Толика там... Не найдут... Выходит... Нашли.

– Вы не пробовали выяснить, чего он боится?

– Пробовала... Он сказал... Чтобы не лезла... А сам ружье... Купил... С того дня... Он ни одной... Ночи... Спокойно не спал... Всклакивал и курил... Из рук у него... Все

валилось... Как Толик уехал... Борис ему... Каждый день... Звонил... Боялся... За него.

– Вы сами это письмо в руках держали? Не обратили внимания, откуда оно было? – осторожно расспрашивал ее Гуров.

– Нет... Борис сам... Его принес... Конверт... Потрепанный... Был... Издалека... Наверное.

– Алевтина Федоровна, у вашего мужа есть армейские фотографии? Обычно из армии привозят такой дембельский альбом. Где он лежит? Нам его посмотреть надо.

– Нет альбома... Фоток мало... В ящике стола... В коробке... От конфет... Он, как вернулся... Почти все сжег... Даже письма... И мои... И свои.

– Аля! Ты не волнуйся! Мы все очень аккуратно посмотрим и назад положим, – заверил ее Чумаков.

– Я понимаю, что прошло много времени, но, может быть, вы помните имена армейских друзей вашего мужа? Он ведь наверняка вам о них писал, – предположил Лев.

– Двое их... Было... Звали. – Она задумалась. – Один... Юрий... Второй... Гриша... Больше ничего... Не помню.

– Скажите, вы знаете о том, что ваш сын собирался жениться на дочери одного очень богатого человека, но из этого ничего не вышло?

– Да... Борис... Как узнал... На Толика... В голос... Орал... Чтобы он... Даже думать... Об этом... Не смел... Что он... Тут же... На виду... Окажется... Велел ему... С

ней... Расстаться... Навсегда... А то он сам... Его убьет...
Чтобы долго... Не мучился.

– И последний вопрос. Скажите, вы когда-нибудь видели вот этого человека? – Гуров показал ей фотографию парня.

Она посмотрела и только отрицательно покачала головой, а потом рыдающим голосом спросила:

– За что... Они нас... Так... Мы же... Никому... Ничего... Плохого... Не делали.

– Мы во всем разберемся, – пообещал, поднимаясь, Лев. – Поправляйтесь, Алевтина Федоровна.

Они вышли из палаты, Чумаков взял из ее вещей ключи, и они поехали к ней домой.

– Хоть бы Борька сказал, чего боится, – недоуменно проговорил майор. – Уж здесь-то мы бы ему помогли – с детства же знакомы.

– Видимо, это было что-то настолько позорное, что он в нем сознаться не мог, – предположил Лев.

Дом Грищенко был довольно большим, крепким, ухоженным, и сразу становилось понятно, что мужик в доме есть, и руки у него растут оттуда, откуда надо. Как и положено в таких домах, на стене висело множество фотографий членов семьи в разные периоды жизни. Чумаков показал Гурову на снимок молодого Бориса в солдатской форме, и Лев решил, что если среди других фотографий в коробке не окажется такой же, то придется забирать эту – вполне могла пригодиться. Гуров с майором просмотрели немногочисленные фото-

графии, но Борис везде был один. Нашлась, правда, такая же фотография, как и на стене, и Лев забрал ее с собой, так что ничего снимать не пришлось.

Вернувшись в райотдел, он позвонил Орлову:

– Петр! Поднимай свои армейские связи.

– Чего-то нарыл? – спросил тот.

– Мне еще копать и копать, – вздохнул Лев. – Начало этой истории теряется в таком далеком далеке, что страшно представить. Так что бери ручку, бумагу и пиши.

Гуров продиктовал ему номер воинской части в Кировской области, попросил выяснить, существует ли она до сих пор, и если да, то найти выход на командира или кого-то из его заместителей. А, главное, ему нужно было, чтобы в областной военной прокуратуре его встретили как родного, потому что Лев был уверен, что без нее в том давнем деле не обошлось.

– Лева! С вояками я как-нибудь разберусь, не проблема, но вот насчет прокуратуры ты явно погорячился. Как я тебе на нее выходы искать буду? – удивился Орлов. – Ладно бы наша, тут еще можно было бы что-то придумать. Но военная?

– А ты постарайся! Там какое-то очень серьезное преступление тогда замяли, подозреваю, что убийство. То, что случилось с Анатолием Грищенко, – отголосок той истории, причем, как я понял, не единственный. Вот, чтобы нам в этом деле побыстрее разобраться, мне и нужно в их архивах

основательно покопаться. Причем срочно.

– Все понимаю, но ничего не обещаю, – ответил Петр и посоветовал: – А продублируй-ка ты это через своих дружбабанов. Может, у Болотина или Крайнова есть в Кировской области свои интересы, вот они с твоими и совпадут.

– Хорошо, позвоню, но ты тоже не расслабляйся. По аналогичным преступлениям что-нибудь нашли?

– Да ищем мы! Ищем! – буркнул Орлов.

Ну, конечно же, у Крайнова и Болотина имелись очень серьезные позиции в Кировской области, так что полное содействие Гурову было там обеспечено. Отказавшись от прощального обеда в кругу семьи Чумаковых, Лев собрался было ехать на аэродром, но майор упросил его немного задержаться и, смотавшись домой, привез ему «сухой паек», то есть пирожки и термос с чаем, а потом лично повез к самолету, пилоты которого уже были предупреждены о том, что на этот раз лететь придется в Киров. Когда они прощались возле ворот части, Чумаков попросил:

– Лев Иванович, если возможно, скажите потом, что же такого Борька натворил, раз с ним так обошлись.

– Майор, – вздохнул Гуров, – неужели ты еще не понял, что это кровная месть? Кто-то решил весь род Грищенко под корень извести, чтобы следа от него не осталось, так что и убийство брата Бориса, и его родителей, и Анатолия – звенья одной цепи. Чтобы Борис, потеряв всех, кто был ему дорог, света белого неувидел. А фотографию этого парня присла-

ли, чтобы он знал, за что расплачивается. И в той давней истории был виновен не только он один – вспомни про письмо, после которого Борис и покой, и сон потерял. По всему получается, что кого-то из его дружков уже тогда наказали, и тот его предупредил. А вот кого, Григория или Юрия, пока неизвестно. Так что мое расследование еще не скоро закончится.

В аэропорту Кирова Гурова уже ждали, машина была подана прямо к трапу, и встречавший его мужчина по дороге в гостиницу самым аккуратным образом записал все, что было нужно Льву.

– Отдыхайте, Лев Иванович, и ни о чем не беспокойтесь, – заверил он Гурова, прощаясь с ним в номере гостиницы. – Завтра утром я за вами заеду и уверяю вас, что к этому времени все нужные вам люди будут уже не только предупреждены, но и готовы к разговору с вами. Я имею от Ильи Александровича самые жесткие указания оказывать вам всевозможную и всеневозможную помощь. Правда, для моего шефа в нашей области невозможного практически ничего нет, – не без доли бахвальства добавил он.

Мужчина ушел, а Гуров с наслаждением долго стоял под душем – Чумаков жил в частном доме с удобствами во дворе, и этого удовольствия Лев был там лишен. Потом плотно поужинал в ресторане и лег спать – многолетний опыт сыщика подсказывал ему, что завтра его ждут очень неприятные

открытия. Но он даже не мог себе представить, насколько!

На следующий день Гуров решил начать с воинской части, потому что это была его единственная отправная точка. Получив заверения, что все и со всеми согласовано, а если что-то пойдет не так, то нужно только позвонить, Лев на предоставленной в его распоряжение машине поехал один. Командир части, молодой полковник, которого явно очень жестко нагнули, хоть и демонстрировал полную готовность к сотрудничеству, но был здорово взбешен. Он, конечно, пытался это скрыть, но у него плохо получалось. Гуров решил, что ему с этим воякой детей не крестить, и китайские церемонии разводить не стал, а перешел сразу к делу.

– Полковник! В эту часть весной 1987 года из районного центра Ильичевска Пермского края прибыл для прохождения службы Борис Андреевич Грищенко, 1969 года рождения. Летом 1988 года он был переведен для дальнейшего прохождения службы в Забайкалье. Первое: меня интересуют причины этого перевода. Второе: мне необходимо поговорить с теми людьми, которые служили или работали в этой части в указанный период времени. Третье: мне нужно знать, что произошло в этой части незадолго до перевода Грищенко на другое место службы. Предполагаю, что это было убийство. Слушаю вас.

– Я могу поинтересоваться причиной такого интереса? – сухо спросил полковник.

– Весь род Грищенко был истреблен. Последним умер он

сам, узнав об убийстве сына. Если интересуетесь, как именно того убили, посмотрите.

Гуров веером выложил перед командиром части фотографии убийства Анатолия, которые забрал у Чумакова. Тот, едва глянув, побледнел, судорожно сглотнул, нетвердой рукой налил себе воды и, немного отпив, попросил, старательно глядя в сторону:

– Уберите, пожалуйста. Я уже все понял.

– Нет, вы еще не до конца все поняли, – жестко сказал Лев. – Грищенко еще прислали вот эту фотографию, чтобы он знал, за что расплачивается, – и положил перед полковником фото парня, – причем с надписью. И у меня есть веские основания считать, что в том давнем преступлении был замешан не только Грищенко, но и, по крайней мере, один из его друзей, который еще раньше поплатился за содеянное.

– Я сейчас распоряжусь, и в кадрах вам подготовят все личные дела, как офицеров, так и вольнонаемных, которые работали здесь в то время, – уже совершенно другим тоном пообещал полковник. – Кроме того, мы не теряем связь с нашими ветеранами, некоторые из которых живут в Кирове, так что их список и адреса вы тоже получите. Много времени это не займет, – заверил он и, тут же позвонив по телефону, командирским тоном приказал немедленно подготовить нужные документы, а закончив, предложил: – Может быть, чай или кофе?

– Нет, спасибо, – отказался Лев. – Распорядитесь, чтобы

меня проводили в отдел кадров, буду смотреть документы по мере их нахождения.

Все отделы кадров, где бы они ни находились, хоть в гражданском, хоть в военном учреждении, похожи друг на друга. Начальник этого отдела кадров, майор Никифоров, мужчина неопределенного возраста и, судя по нездоровому цвету лица, явно больной, без особого радушия предложил Гурову чай, а Лев без особой благодарности отказался. Понаблюдав за тем, как его подчиненные таскают покрытые пылью папки, Никифоров спросил:

– Товарищ полковник! А что конкретно вас интересует?

Какой черт и куда в тот момент толкнул Льва, он потом и сам не смог бы сказать, но на этот вопрос сухо ответил, что это тайна следствия. Никифоров промолчал, и Гуров принялся изучать личные дела. Вот уж когда он проклял тот момент, когда отказался от чая, потому что от пыли в горле очень скоро начало першить, да и чихал он периодически. Он просматривал папку за папкой, но не мог найти ничего, что ему помогло бы, потому что из нужных ему людей кто-то вышел в отставку, кто-то перевелся в другие части, кто-то вообще уже умер. Ему оставалось просмотреть всего несколько личных дел, когда он, взяв очередную папку, увидел надпись «Майор Никифоров Валерий Николаевич» и, открыв ее, прочитал, что лейтенант Никифоров по окончании военного училища в 1986 году был направлен для даль-

нейшего прохождения службы в эту воинскую часть и назначен командиром взвода. Вот тут-то Гуров и проклял в очередной раз свой характер! И принялся думать, как ему теперь наладить отношения с майором, который обязательно должен быть в курсе того, что же тогда произошло, ведь кто ближе всего к рядовым, как не взводный? Наконец придумал и, повернувшись к майору, спросил:

– Валерий Николаевич! У вас обыкновенной водички не найдется, чтобы таблетки запить? Панкреатит разыгрался так, что сил нет. Дома-то диету несложно соблюдать, а вот в командировках... Ешь что попало, а потом расплачиваешься.

– Конечно, товарищ полковник, – ровным голосом ответил ему Никифоров и, неловко поднявшись из-за стола, налил ему в чашку воды из стоявшего на тумбочке графина.

– Я смотрю, у вас со здоровьем тоже не очень? – сочувственно спросил Лев, приняв две совершенно ненужные в этот момент таблетки.

– Ранение, – кратко ответил Никифоров. – Вот, дали дослужить до отставки.

– Чечня?

– Она самая, – подтвердил тот, не проявляя, однако, ни малейшего желания вступать в разговор.

– Ну, когда на войне солдаты гибнут или ранение получают – это одно дело, а вот когда в мирное время в армии – совсем другое, – заметил Лев и, достав фотографию парня,

показал ее Никифорову: – Вот он, как мне кажется, здесь у вас погиб.

Тот внимательно посмотрел на фотографию и будничным тоном произнес:

– Егор Пахомов. Хороший был парень, чистый и светлый. Земля ему пухом.

С трудом скрыв вздох облегчения, Лев пояснил:

– А ведь я именно из-за него сюда и приехал. Скажите, кто может за него мстить?

– Он детдомовский. Вроде бы у него два младших брата были и невеста. Добавить мне больше нечего, – сухо ответил Никифоров.

– Валерий Николаевич! – извиняющимся тоном сказал Гуров. – Ну не обижайтесь вы на меня! Не знаете вы, что такое панкреатит, когда сам себе не рад и на людей бросаешься!

– Не знаете вы, товарищ полковник, что это такое, когда внутри все постоянно болит, а не временами, – парировал тот.

– Ну простите меня, – совсем уже сдал все позиции Лев. – И не надо со мной так официально! Меня Лев Иванович зовут!

– Ладно! – Майор отложил свои бумаги в сторону. – Что вы хотите знать?

– Все с самого начала, – ответил Лев, демонстрируя самую явную готовность слушать.

– Мы с Лихомановым сюда вместе после училища попали. Гнилой был человечиска. Мне взвод нормальный попался, а у него были трое старослужащих, таких сейчас отморозками называют. Борис Грищенко, Григорий Гаврилюк и Юрий Герасимов. Гришка у них заводилой был. У него отсрочка от армии была, потому что он еще чуть ли не в школе женился, вот и призвали его, когда его сыну три года исполнилось. Их здесь прозвали «Три Гада». Они с самого начала скорешились и еще салагами «дедам» такой отпор давали, что их не трогали. А уж, когда они сами «дедами» стали, для молодых тут ад на земле начался. Лихоманов с Гадами быстро общий язык нашел – зачем же самому трудиться, если они за него всю работу делали. У нас много выходцев из Средней Азии было, так те, чтобы их Гады не гнобили, «травкой» откупались, которую им родственники или с оказией передавали, или сами привозили. Понятно, что это риск и статья, но ведь жизнь собственных детей дороже. Лихоманов тоже «травкой» баловаться стал. А весной 1987 года у него во взводе Егор Пахомов появился. Парень – чудо! Добрый, веселый, отзывчивый. Любили его все. А такие люди для Гадов хуже, чем серпом по одному месту. Вот они за него и взялись. В общем, через два месяца не стало Егора.

– Они его убили?

– Да, повесили, – кивнул Никифоров. – А перед этим, обкуранные, еще и поиздевались всласть.

– Вот так? – Лев протянул ему фотографии.

Никифоров внимательно просмотрел их, а потом сказал:

– Да! Так и было! А кто это?

– Сын Грищенко, единственный ребенок в семье, – объяснил Гуров. – Но сначала, как я понял, расправились с ребенком Гаврилюка или Герасимова, потому что кто-то из них Бориса письмом предупредил. После этого Грищенко перепугался насмерть и попытался сына в Москве спрятать, но его и там достали. Борис, когда об убийстве сына узнал, с тяжелейшим инфарктом слег, а уж когда ему эти фотографии и снимок Егора прислали, получил инсульт и умер. Но, как мне кажется, перед этим брата Грищенко и его родителей убили.

– Вендетта? – задумчиво протянул Никифоров и уже увереннее добавил: – Да, похоже, что она. У нас тут тоже трупов хватало.

– И здесь? Валерий Николаевич! Что было после того, как Егора убили?

– А что могло быть? Скандал никому не нужен! Тем более командир части должен был вот-вот генерала получить, а тут такое! Оформили все как самоубийство. Ну тут уж против Гадов все поднялись! Били их несколько раз смертным боем, чудом выжили. В общем, понял командир, что «светят» ему еще три трупа, вот он, какие-то связи подключив, и отправил их дослуживать в другие места. Пока шло следствие по факту якобы самоубийства Егора, его тело в местном морге находилось, а потом его на родину отправили. А осенью неве-

ста его приехала. На вид лет шестнадцать-семнадцать. Красивая. Особенно глаза. Как два омута. Темно-темно-синие. Беременная она была, и срок уже приличный. Не поверила она в самоубийство жениха и, как уж организовала, не знаю, но гроб открыли, а там... Какое уж самоубийство, когда на парне места живого не было? Вот она и приехала за правдой. У нас тут рано холодает, а она одета кое-как, пальтишко на животе не сходится, дождь хлещет, а она возле КПП стоит и требует, чтобы ее к командиру части пропустили. Только кто же ее пустит? Так она несколько дней стояла и караулила, чуть под машину не бросалась, чтобы с ним поговорить. Не получилось. Тогда она в военную прокуратуру пошла, до самого верха добралась, а там ее тоже погнали. Женщины наши из вольнонаемных пожалели ее, у кого-то из них она все это время и ночевала, а с самого раннего утра – опять к КПП. Видимо, кто-то из женщин ей и сказал, что Лихоманов у Егора взводным был. Подкараулила она его и вцепилась, как клещ. Кричала: «Тебе жизнь человека доверили, а ты его не уберег!» Тот обматерил ее с ног до головы и дальше пошел, а она ему вслед крикнула: «Будь ты проклят!»

– Но правду она все-таки узнала? – поинтересовался Лев.

– Узнала! – кивнул Никифоров. – От меня! – твердо посмотрел он Гурову в глаза. – Не мог я видеть, как она целыми днями возле КПП стоит. Еще родила бы там раньше срока. А у нас с женой в то время уже свой малыш был, так что понимал я ее, как никто. В общем, рассказал я ей все, как

на самом деле было. Мы с мужиками скинулись, кто сколько мог, дали ей, чтобы на обратный билет хватило и на первое время, и она уехала.

– Как ее звали?

– Лада. Хорошее имя, русское, настоящее.

– Она что-нибудь о себе рассказывала?

– Нет, – покачал головой майор. – Да я и не спрашивал – не до того было, когда она живым укором постоянно перед глазами стояла.

– А о братьях Егора? Хоть сколько им лет было? – допытывался Гуров, но Никифоров только снова покачал головой. – Хорошо, теперь сам разберусь. Но вы говорили, что у вас тут тоже трупов хватало. А кто конкретно погиб?

– Ну это не сразу началось, года через три-четыре. У нас тут недалеко от КПП старый дуб был, вот там их утром повешенными и нашли. Всех троих: Лихоманова, командира части и военного прокурора. Но для начала с ними вот так же обошлись, – постучал пальцем по фотографиям майор. – Дуб потом спилили, чтобы не напоминал. Убийц так и не нашли, хотя искали очень старательно. Никто тогда и не подумал, что это к смерти Егора какое-то отношение иметь может, а вот сейчас я понимаю, что уже тогда за него мстить начали. Не думаю, что это просто совпадение.

– Какое уж тут совпадение? – хмыкнул Гуров. – Кровавую тризну кто-то по Егору справил. А откуда он был?

– С Урала, но точнее нужно в документах посмотреть – те-

ло-то мы отправляли.

– Да я сам эти данные в прокуратуре возьму. Валерий Николаевич, вы лучше найдите, пожалуйста, все, что возможно, на Гаврилюка и Герасимова. Хотя бы откуда они призывались, чтобы была печка, от которой плясать. Конечно, они сто раз могли и переехать, но начинать с чего-то надо.

– Хотите найти тех, кто это сделал? – кивнул на фотографии Никифоров.

– Для начала хочу попытаться вычислить заказчика, потому что в нашем случае преступники никаких следов не оставили, а уж от него к исполнителям дорогу искать. – Лев достал визитку, протянул ее Никифорову: – Как только что-то узнаете, позвоните мне, пожалуйста.

Из воинской части он заехал в ресторан гостиницы пообедать, а потом направился в военную прокуратуру. Теперь Лев уже знал, что ему надо, и сразу попросил поднять из архива дело о самоубийстве Егора Пахомова. Ждать долго не пришлось, и очень скоро перед ним положили тонкую папку. Он читал и с трудом сдерживал накотившее на него бешенство – на бумаге все было до того чисто и гладко, что становилось противно. Имена трех подонков в деле даже не упоминались, а были показания нескольких солдатиков, которые, явно под нажимом, говорили о том, что рядовой Пахомов не раз высказывал желание совершить самоубийство, так как не мог привыкнуть к армейской жизни. Заключение судмедэксперта было насквозь лживым, так что после про-

чтения этого дела у Гурова появилось сильное желание вымыть руки.

После прокуратуры Лев поехал в областное управление полиции, где ему подняли из архива уголовные дела по убийствам Лихоманова, командира части и военного прокурора, которые произошли летом 1992 года. Дела оказались в многочисленных довольно объемных томах, от протоколов допросов всех, кто только мог располагать хоть мало-мальски ценной информацией, и заключений всевозможных экспертиз толку не оказалось, потому что непосредственных свидетелей не было. В общем, единственное, что смог вынести для себя Гуров, просмотрев все от начала до конца, это то, что совершившие преступления убийцы мало чем отличались от преступников, убивших Анатолия Грищенко. Или это были одни и те же люди? А искали их действительно очень тщательно, но смогли выяснить только, что во всех трех случаях люди, выйдя с работы, домой не попали. Лихоманов добирался домой своим ходом, так что перехватить его где-то по дороге было делом нетрудным. Водители же командира части и военного прокурора довели в тот день своих начальников до подъездов домов совершенно спокойно и вернулись в гараж, а, приехав утром и не дождавсь их, поднялись к квартирам, но им никто не открыл – жены и того, и другого жили на дачах. Водители решили, что начальство по какой-то причине уехало на работу самостоятельно, и отправились туда же, где и узнали, что их начальников, как и некое-

го Лихоманова, уже нашли ранним утречком висевшими на дубе. Место или мест, где этих троих держали и воздали им должное за былые должностные преступления, так и не обнаружили. Но убийцы сильно рисковали, вывозя оттуда на тот момент еще полутрупы, чтобы повесить их для всеобщего обозрения и в назидание, так сказать, потомкам, потому что, по заключениям судмедэкспертизы, смерть всех троих произошла в результате повешения. Но откуда у убийц была такая уверенность в собственной неуязвимости? Одним словом, ничего, что могло бы пригодиться ему в дальнейшем, Лев в этих документах не нашел.

Вернувшись в гостиницу, он занялся самым неприятным на свете делом – стал ждать звонка Никифорова. Адрес Егора Пахомова в небольшом уральском городе Железногорске у него был, и Лев собирался завтра же вылететь туда, но вот нужно было еще озадачить Стаса и Сашу, чтобы они по всем возможным базам пробили двух оставшихся Гадов: Гаврилюка и Герасимова, но занимать телефон надолго он не хотел. И пока только позвонил пилотам и сказал им, куда они полетят, чтобы те все организовали. Никифоров связался с Гуровым уже поздно вечером и сообщил все, что сумел узнать о Григории и Юрии. Первый призывался из Омска, второй из Тулы, их адреса и анкетные данные тоже имелись. И Лев немедленно позвонил Крячко.

– От тебя даже дома спасу нет, – пробурчал тот.

– Ты не ворчи, а слушай! – сказал ему Гуров и, передав

все, что успел узнать, велел: – А теперь бери ручку и пиши!
Первый: Гаврилюк...

– Григорий Степанович, – невозмутимо продолжил Стас.

– Так, вы что?.. – удивился Лев.

– А мы то! – скромно заметил Крячко. – Сам же хотел, чтобы мы похожие преступления по стране за прошлые годы подняли. Вот мы и нашли! Его сына Степана в 2001-м аналогичным образом кончили. Я завтра в Омск за подробностями вылетаю.

– Тогда пиши второго. Это Герасимов Юрий Петрович. Он из Тулы, туда Сашу отправьте. Хватит ему штаны в кабинете просиживать, пора начинать самостоятельно работать.

– Вот-вот! Как поближе к Москве, так Саша, а как к черту в зубы, так я, – горестно вздохнул Крячко.

– А ему, друг Стас, еще труднее, чем тебе будет, потому что с Гаврилюком все уже ясно, а вот что с Герасимовым случилось – большой вопрос.

– Не подводи теоретическую базу под трогательную заботу о родственнике, – ехидно заметил Крячко и тут же добавил: – Шутка!

– Ты у меня однажды дошутишься! – пригрозил Гуров. – Как только появится новая информация, тут же звони!

Из-за отсутствия в Железногорске собственного аэродрома сеть пришлось в Демидовске, областном центре, выросшем вокруг одного из заводов Акинфия Демидова. Но бла-

годаря Болотину и Крайнову всевозможное содействие было Гурову гарантировано, и до Железногорска он добрался с комфортом в джипе, предоставленном директором одного из предприятий Ильи Александровича.

Железногорск оказался самым обыкновенным райцентром, где, как и в Ильичевске, все друг друга знали. Первым делом Гуров отправился в детдом, надеясь, хотя трагедия с Егором и произошла много лет назад, найти там тех, кто его еще помнил. Он по опыту знал, что в большинстве случаев там работают настоящие подвижники – а кто еще согласится на этот каторжный труд за мизерную зарплату? Правда, ради справедливости надо отметить, что и законченные сволочи с садистами там тоже попадаются.

Гуров объяснил директору, кто он и зачем приехал, но вот только тот был в детдоме человеком относительно новым и Пахомова, естественно, знать не мог. Зато нашлись воспитатели давно уже пенсионного возраста, которые Егора и его братьев хорошо помнили. Это были две пожилые женщины, и они, сокрушенно качая головами, принялись рассказывать, дополняя друг друга.

– В общем, так, Лев Иванович, – говорила Марина Фоминична. – Пахомовы, они тут с незапамятных времен живут. Не скажу, чтобы их здесь любили, но уважали – крепкая семья, таких раньше куркулями звали, все под себя гребли, хозяйство у них было хорошее. Павлушка, это Егоркин отец, Таньку, жену свою, из армии привез. Совсем молоденькая

она была, едва восемнадцать исполнилось. Расписались они еще там, а сюда уже мужем и женой приехали. А Пашка красивым парнем был, все девки на него засматривались, выбирай – не хочу. Пашкины родители были очень недовольны, потому что ему совсем другую девушку в жены планировали, с приданным богатым, а у Тани с собой и был-то только один чемоданчик, так что не больно-то хорошо их тут встретили.

– Но свадьбу сыграли честь по чести, хоть и скромно, – вступила Зоя Федоровна. – Только вот из Танькиной родни ни одного человека не было, значит, что-то не ладилось там, а уж что именно, теперь никто не узнает. Егорка, точная Пашкина копия, у них в 1969-м родился, так что не «по залету» они женились. Татьяну Пахомовы не любили, жилось ей далеко не сладко, а вот Павел души в ней не чаял. Понял он, что жизни им тут не будет, вот и решил из родных мест уехать. Год Егору был, когда Пашка с Танькой на Север завербовались. Егорку, конечно, тут оставили, бабка с дедом его и вырастили. Писали они сюда регулярно, а приезжали только в отпуск – Егора заберут, и на море, а потом обратно привозили. Как Егор подрос, Пашка с Танькой хотели его насовсем к себе забрать.

– Но тут уж Васька, Пашкин отец, на дыбы встал – не отдам, и все! – продолжила Марина Фоминична. – Потом у них еще два мальчики родились, погодки. Тут Васька уже окончательно сердцем отмяк – шутка ли? Три внука! Надька-то у них, сестра Пашкина младшая, бесплодной оказалась, по-

тому и с мужем разошлась. В общем, стали старики Пашку с Танькой обратно зазывать, те и приехали. В 1984-м сюда вернулись. Со всем скарбом, целый контейнер потом пришел – на Севере-то снабжение тогда о-го-го какое было! Егору тогда шестнадцать уже исполнилось, а мальчишки, братья его, совсем сопливые. Лешке три года, а Андрюшке – два.

– Денег они привезли с собой очень много, – выразительно сказала Зоя Федоровна. – Хотели себе здесь дом хороший купить, обставить, и все такое – Пашка-то в отца пошел, тоже ложку мимо рта не проносил. Начали присматриваться, прицениваться. Нашли, сторговались. Только деньги-то им надо было со счета снимать. Заказали они их, получили и собирались на следующий день договор купли-продажи оформить, а ночью-то их и ограбили. Да ладно бы, только деньги забрали – это дело наживное. Поубивали же их всех: и Пашку с Танькой, и родителей его. Одна только Надька и выжила – бандиты ее мертвой посчитали, вот и не добились, а она просто раненая без сознания была. Только с тех пор инвалидом стала.

– А дети? Как же они уцелели? – удивился Гуров.

– Так дело же летом было, дом привезенными вещами забит, вот мальчишек, чтобы не мешались, в летнем домике спать и положили. Счастье это великое, а то бы и их не пожалели, – объяснила Марина Фоминична.

– Нашли, кто это сделал? – спросил Гуров.

– Да, муж кассирши из сберкассы с дружками, – горестно

вздохнула Зоя Федоровна. – Надька, как в больнице в себя пришла, так и сказала, кто это был. Их тут же и арестовали, они даже деньги толком потратить не успели. Двоих тогда расстреляли, а одному двадцать пять лет дали. Что уж с ним стало, не знаю, но сюда он не вернулся. Может, там, в колонии, и умер.

– А поскольку Надежда стала инвалидом, детей ей не отдали, а отправили в детдом, – понял Гуров.

– Ну да! – подтвердила Марина Фоминична. – И Надька сюда работать устроилась, чтобы к детям поближе быть. Она же Егорку еще девчонкой нянчила, как собственного родного сына его любила. Да и Лешка с Андрюшкой ей не чужие. Тут под ее крылом они и росли.

– Да, они больше у нее дома жили, чем в детдоме, – добавила Зоя Федоровна. – Никто и не возражал, особенно на кухне – им же больше оставалось. А Надька их дома и накормит вкусненьким – деньги-то, что после Пашки с Танькой остались, ей отдали как наследнице. Егорка, как из детдома выпущился, так совсем к ней ушел, а сюда дворником работать устроился, чтобы поближе к братьям быть. Потом в армию его забрали весной 1988-го. А там!.. – Обе женщины вдруг дружно заплакали, а Зоя Федоровна сквозь слезы сказала: – Убили там Егорку! Не мог он самоубийство совершить! Не мог! Он Надьку как родную мать любил! И братьев тоже! И Лада беременная была! Не оставил бы он их по своей воле!

– Когда письмо оттуда пришло, так Надька тут же слегла – много ли инвалиду надо? – всхлипывала Марина Фоминична. – Из последних сил держалась ради Лешки с Андрюшкой – у них же, кроме нее, никого не было. А уж как гроб привезли, тут сердце и не выдержало. Упала она на него и все! «Скорую» вызвали, а толку? Вот и отвезли ее в больницу, сразу в морг!

– Кто же гроб с телом Егора открыл? – спросил Лев.

– Невеста его, Лада. Ох, как она Егора любила! – Прижав руки к груди, Зоя Федоровна раскачивалась из стороны в сторону и мотала головой. – Она же дышать без него не могла! А тогда, как только Надьку увезли, она мужиков позвала, они-то гроб и вскрыли. А там! Чтоб они сдохли, те изверги, кто так над Егорушкой надругался! Будь они прокляты во веки веков, и дети их, и внуки, и правнуки!

– Ну, в общем-то, проклятье это уже осуществилось, – негромко заметил Гуров, но женщины его не услышали.

– Лада тогда сразу же милицию вызвала, – продолжала Зоя Федоровна. – Приехали они, да только что они могли сделать? Убили-то его не тут, а в армии. Попытались что-нибудь выяснить – Егорку-то у нас тут все любили и жалели, на них прикрикнули, видать, вот дело-то и замяли.

– А где мне эту Ладу найти? – спросил Лев.

– Да кто ж теперь знает? – пожали плечами женщины.

– Она же вообще не из местных, а из Кузьмичевска – это здесь недалеко, час на автобусе, – объяснила Марина Фоми-

нична. – Там они с Егором и познакомились, когда он к девушке своей ездил.

– Так, давайте разбираться! – насторожился Гуров. – Лада – невеста Егора, с этим все понятно. А что это еще за девушка?

– Любка Рогожина. Она у нас тут несколько лет воспитывалась после того, как ее отец мать убил и сел, – в Кузьмичевске ведь своего детдома нет. Дружили они с Егором, а потом, когда она выпустилась и домой вернулась, он к ней туда ездил. Она еще тогда мне не нравилась! – поджав губы, произнесла Марина Фоминична.

– А чем? – поинтересовался Лев.

– Не могу сказать ничего определенного, но вот не нравилась, и все, – решительно заявила она. – Не пара Любка была Егору! Он – светлый, добрый, улыбочивый, а она... Мутная какая-то была. И Надьке она не нравилась! А вот Егора чем-то зацепила. И все мы с облегчением вздохнули, когда она за другого замуж выскочила.

– Такая стерва оказалась! – поддержала ее Зоя Федоровна. – Егор к ней приехал, а она с другим обжимается. Он тут же развернулся и ушел. Ну вот можно быть такой гадиной?

– Надька говорила, он тогда очень сильно переживал, – горестно вздохнула Марина Фоминична. – А потом у него Лада появилась, и забыл он о Любке, слава богу, хотя та и пыталась с ним помириться.

– Да, некрасиво девушка поступила, – согласился с ними

Гуров. – А адрес ее можно узнать?

– Да, в архиве ее личное дело поднять недолго, – пообещала ему Зоя Федоровна.

– Хорошо, с этим ясно. Теперь давайте про Ладу. Как ее полностью зовут?

Женщины растерянно переглянулись и одновременно пожали плечами.

– Уже понял, что вы не знаете. То, что она из Кузьмичевска, уяснил. Но куда она делась после смерти Надежды и Егора?

– Как Егор с Ладой сошлись, они у Нади жили, – снова заговорила Марина Фоминична. – Надька на Ладу нарадоваться не могла. Хорошая девочка была, душевная, ласковая, работающая, но и с характером. Пела замечательно. Мальчишки, братья Егора, ее тоже как родную приняли. А когда Егорка в армию ушел, Лада у Надьки жить осталась, и вскоре выяснилось, что беременна она. Ох, как Надька радовалась! Да не судьба ей оказалась с малышом понянчиться, – вздохнула она. – Лада и похоронила Егора с Надькой в один день. Рядом лежат.

– У Пахомовых на нашем кладбище свой участок, вся их родня там лежит, – добавила Зоя Федоровна. – Там и Егора с Надькой похоронили. Мы все на кладбище ходили, и, я вам так скажу, до сих пор удивляюсь, как Лада рядом с ними не легла. На нее же смотреть было страшно! Одни только глаза ее темно-синие живыми и остались, ей-богу, покойники

лучше выглядят. Лешка с Андриюшкой к ней жались – у них-то, кроме нее, вообще никого не осталось. А она их за плечи обняла, и еще утешать их сил хватило.

– А Кузнецов, ворюга проклятый, чтоб ему и на том свете покоя не было! – начала было Марина Фоминична, но Лев перебил ее:

– Кузнецов – это...

– Председателем райисполкома нашего был, – в сердцах бросила она. – У Пахомовых-то дом справный был, вот он на него глаз и положил!

– Я так понял, что дом братьям не достался?

– Вот именно! – раздраженно ответила Зоя Федоровна. – А там ведь Лада беременная жила, хоть и не прописанная, хоть и не наследница, но ведь живой же человек! А у Лешки с Андриюшкой вообще все права на него были – они же самые прямые наследники, внуки и племянники!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.